

Радикально-демократическая модель политики как реакция на проблему политической интеграции беженцев

Константин Фомин

Ассистент, кафедра философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002
E-mail: kostyafominphil@gmail.com

Надежда Савельева

Аспирантка, кафедра философии и социологии,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
Адрес: набережная Северной Двины, 17, г. Архангельск, Российская Федерация 163002
E-mail: n.saveleva@narfu.ru

Данная статья посвящена анализу истоков той проблемной ситуации с беженцами, которая имеет место в мире в настоящий момент, а также поиску новой модели эмансипационной политики, могущей предложить работающее решение этой проблемы. Основной посыл статьи состоит в том, что политические теории Дж. Агамбена, Ж. Рансьера и Дж. Батлера могут быть совмещены в рамках радикально-демократической модели политики, в центре которой будет находиться пересмотренный концепт прав человека. Сначала авторами статьи были определены базовые категории, используемые для анализа политических теорий: «национальное государство», «суверенитет», «беженцы», «безгосударственные лица», «права человека». Далее исследуется контекст появления либеральной концепции прав человека, являющейся нормативным фундаментом международно-правового порядка. После рассмотрения основной критики, направленной против либеральной концепции прав человека, авторы обращаются к теории суверенной власти Дж. Агамбена. Один из основных его тезисов — необходимость отказа от концепта прав человека в рамках теории эмансипационной политики. Этот отказ итальянский философ мотивирует фактом изначальной взаимосвязанности прав человека и государственной власти. Авторы оценивают положительные и негативные аспекты подхода Агамбена к политике. Далее рассматривается альтернативный подход к правам человека, предложенный Ж. Рансьером. В конце статьи предлагается более конструктивная модель эмансипационной политики, комбинирующая идеи итальянского философа с идеями Ж. Рансьера и Дж. Батлера. С точки зрения авторов статьи, эта модель лишена основных недостатков, исследуемых ими подходов. Ее преимуществами являются расширенная трактовка власти и реинтеграция идеи солидарности в теорию эмансипации.

Ключевые слова: национальное государство, суверенитет, беженцы, безгосударственные лица, права человека, радикально-демократическая модель политики

© Фомин К. В., 2019

© Савельева Н. В., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-140-157

Постановка проблемы

Отправной точкой нашей статьи является проблема политической интеграции беженцев. С момента выхода «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт эта проблема стала объектом внимательного изучения множества политических теоретиков. Мы сконцентрируемся на тех авторах, которые утверждали методологическую ценность обращения к проблеме беженцев при разработке модели эмансипационной политики.

С первого серьезного кризиса системы национальных государств, который ознаменован событиями Первой мировой войны, эта тема не потеряла актуальности. Были предприняты попытки решения с помощью двух юридических механизмов: права на убежище и натурализации. Однако эти механизмы не были зафиксированы в писаном праве и носили декларативный характер, то есть не были действенными средствами правовой защиты беженцев. Проблема на сегодняшний день остается открытой, единственным результатом попыток ее решения, на наш взгляд, было увеличение категорий, обозначающих безгосударственных лиц, ту часть человечества, которая неспособна заявить о своей гражданской принадлежности. Наряду со столь же актуальными международными проблемами, как миграция и гуманитарные интервенции, «безгосударственность» свидетельствует о противоречии между концепцией всеобщих прав и требованиями суверенитета национальных государств.

На сегодняшний день тема политической интеграции наряду со смежными темами рассматривается в рамках исследований по проблемам беженцев (*refugee studies*), где феномен безгосударственности становится объектом научного анализа. В современных журналах, посвященных беженцам, можно выделить три основных фокуса: социоэкономический и политический контексты, имеющие значение для понимания вынужденной миграции; реальный опыт беженцев и их стратегии выживания; вопросы усовершенствования и реализации законов и политики, связанных с вынужденными мигрантами.

В рамках данной статьи мы рассмотрим подход Дж. Агамбена к политике, сформулированный им в качестве решения проблемы политической интеграции беженцев. Характерной чертой этого подхода будет требование отказа от концепта прав человека. Подходу Дж. Агамбена мы противопоставим идеи Ж. Рансьера, не требующего такого отказа. Основная мысль статьи состоит в том, что позиции итальянского и французского философов могут быть совмещены с позицией Дж. Батлера в рамках модели радикально-демократической политики, в центре которой будет находиться пересмотренный концепт прав человека. Авторы полагают, что эта модель совмещает наиболее сильные моменты вышеупомянутых ученых и наиболее адекватна эмансипационной политике.

Проблема политической интеграции беженцев впервые была четко сформулирована в работе Х. Арендт «Истоки тоталитаризма» (Арендт, 1996), где представлен детальный анализ исторических условий возникновения феномена безгосу-

дарственности. Впоследствии к этой проблеме обращались К. Бэннерджи, А. Бадью и С. Жижек. Бэннерджи затрагивает аспект взаимосвязи системы национальных государств и беженцев (Banerjee, 2010); Бадью концентрируется на роли, которую играют беженцы в обновлении политической жизни национального сообщества (Badiou, 2016); Жижек обращается к аспекту взаимоотношений между капиталистической системой и потоками беженцев (Žižek, 2016). Тем не менее все вышеперечисленные авторы не предлагают комплексного подхода

Подобная попытка была предпринята итальянским философом Дж. Агамбенном. Прежде чем перейти к его теории суверенной власти, обратимся к историческому контексту формирования либеральной концепции прав человека. Также нами будут рассмотрены причины, по которым эта концепция подвергается критике. Обращение к данной концепции позволяет нам ответить на вопрос, почему проблема политической интеграции беженцев остается нерешенной до сего дня.

При анализе теорий мы будем исходить из следующей трактовки категорий:

1) Следуя постмарксистскому подходу, авторы определяют национальное государство как противоречивую форму государства, в которой сталкиваются правовое равенство и национальный суверенитет.

2) Опираясь на теорию К. Бэннерджи, авторы трактуют национальный суверенитет как политическую волю нации, способной принять решение относительно качества и формы своего существования. В максимальной степени он проявляется в актах исключения из политического сообщества части населения.

3) Права человека рассматриваются как отличные от гражданских прав. Права человека — это права угнетенных людей, которые невидимы в публичном пространстве и лишены голоса в политическом сообществе. На место пары «права человека (естественные права)/гражданские права» авторы ставят «права человека (права неучтенных)/гражданские права». Здесь авторы развивают идеи Ж. Рансьера и С. Чемберса.

4) Беженцы определяются предельно широко как политически отчужденные безгосударственные люди, которым не гарантированы защита и право на достойное существование.

Либеральная трактовка прав человека и ее критика

Авторы обращаются к генеалогии идеи прав человека, представленной в работах теоретиков, относящихся к школе критических правовых исследований, и в особенности к работе «Конец прав человека» Костаса Дузинаса (Douzinas, 2000). Предпочтение отдается именно этим исследователям, поскольку им удается избежать крайностей исторического релятивизма и неисторического универсализма.

С эпохи Нового времени права человека занимают центральное место в политической мысли. Свобода индивида становится проблемой. Это стало очевидно по смещению акцента от логики закона к логике права в традиции естественного права. В «Левиафане» Т. Гоббса (Гоббс, 2001: 89) и в «Опытах о законе природы»

Дж. Локка (Локк, 1988: 3) уже звучит требование различать право и закон. Согласно английским философам, право связано со свободой действия, а закон — с предписанием.

В силу своей родословной в правах человека заложена идея защиты индивида от репрессивного государственного вмешательства, и на первый план выходит специфически либеральный подход к личности. Субъектом либеральных прав человека является независимый индивид, который рассматривает жизнь, свободу и безопасность как собственность, которая должна быть защищена от внешнего вмешательства (McNeilly, 2016).

Позиция по отношению к государству не оставалась неизменной на протяжении всей истории развития либеральной мысли. Уже со времен Дж. С. Милля отрицалась абсолютная автономия индивида. Последний может реализовать свой потенциал только при протекционистском государстве, ориентированном на социальную поддержку индивидов. Идеи британского философа получили развитие в теориях представителей деонтологического либерализма: Дж. Ролза и Р. Дворкина.

Либеральная трактовка прав человека подвергалась критике со стороны таких авторов, как Э. Берк, К. Маркс, Г. В. Ф. Гегель, Ж. Лакан, К. Дузинас. Берк обращал внимание на абстрактный и рационалистический характер прав (Берк, 1993); Маркс и марксисты видели в них политическую конструкцию, которая скрывает факт экономической эксплуатации (Маркс, 1955). Гегель утверждал, что права человека — это институциональное выражение борьбы за взаимное признание, а следовательно, они не могут носить строго индивидуалистический характер (Гегель, 2007). Психоанализ критикует концепцию прав человека за постулирование субъекта права, предшествующего символическому порядку (Douzinas, 2000). Теоретики, относящиеся к школе критических правовых исследований, утверждают, что права человека, связанные исключительно с позитивным правом, утрачивают свой эмансипационный потенциал (Ibid.).

Среди критикующих либеральную трактовку прав особое место занимает Х. Арендт, чей анализ современной исторической ситуации позволяет по-новому посмотреть на отношения между правами человека и статусом гражданина. Ключевой фигурой для нее становится безгосударственное лицо, указывающее на фундаментальную роль сообщества в обеспечении прав человека.

Исследуя причины появления массового потока беженцев, Арендт обращается к процессу отзыва гражданства правительствами европейских государств у определенных сегментов их населения, что привело к появлению лиц, лишенных какой бы то ни было государственной защиты.

Арендт отмечает, что с таким быстрорастущим количеством безгосударственных лиц не могли справиться существующие на тот момент правовые институты национальных государств. Причину неудачи она видит в изначально неадекватном подходе к правам человека в рамках либеральной традиции.

Анализируя этот подход, Арендт концентрируется на его базовом допущении: существовании человека в догосударственном состоянии, обладающего правами в силу своей природы. Проблематичность такого подхода заключается в том, что, с одной стороны, любая законная политическая система должна признавать права, чтобы не утратить свою легитимность; с другой стороны, в рамках политической системы единственным гарантом этих прав может быть только политический суверен (Арендт, 1996: 317). Таким образом, права, провозглашаемые в качестве естественных, фактически не являются таковыми, поскольку опираются на суверена, который должен был обеспечить их соблюдение внутри политического сообщества.

Вслед за Берком Арендт подчеркивает, что права человека — это не права индивидов в приватном пространстве, т. е. гражданские права, которые имеют смысл только в контексте членства в политическом сообществе (Берк, 1993). Феномен безгосударственности сделал очевидным глубокую связь между «правами человека» и политической принадлежностью. Фундаментальное лишение, испытываемое бесправными, — это лишение права на принадлежность к сообществу, в котором такие права могли бы иметь значение, и места в мире, в котором их слова и действия будут приняты во внимание (Арендт, 1996: 396–397). Это «право иметь права», которое потерял беженец, полностью отсутствовало в рамках Декларации прав человека. Либеральная трактовка прав человека, заложенная в основании данного документа, исключала возможность артикуляции этого основного права, отчуждение которого приводило к лишению человеческого достоинства.

Не ограничиваясь демонстрацией недостатков либеральной концепции прав человека, Арендт исследует условие, при котором стала возможна денационализация, т. е. лишение гражданского статуса. Этим условием является изначальная противоречивость формы государства, появившегося в эпоху Нового времени, которую беженцы сделали видимой. Феномен безгосударственности продемонстрировал конфликт между национальным суверенитетом (правом нации на самоопределение) и неотчуждаемыми/естественными правами индивида, уже присутствующий в тексте Декларации прав человека. Он свидетельствовал о завершении превращения государства в орудие нации, которое больше не сдерживается рамками конституционализма.

Итак, анализ Арендт показывает, что феномен безгосударственности не только совпадает по времени с развитием системы национального государства, но и является непосредственным продолжением логики суверенитета, на которой основана система. Внимательное изучение позиции беженца позволяет нам увидеть то, каким образом денационализация создает условия, при которых возможно бесчеловечное обращение с другими. Таким образом, феномен безгосударственности является не просто симптомом кризиса современной системы национальных государств, но и тем, что изначально присутствовало в качестве возможности в структуре национальных государств, но сдерживалось таким фактором, как формирование конституционного правления.

Однако Арендт не выходит за рамки критического анализа прав человека. Для нее беженцы остаются воплощением кризиса системы национальных государств, опирающихся на права индивидов в приватном пространстве. Она выступает диагностом Современности, не предлагая какого-либо способа преодоления этого кризиса. Проблема политической интеграции беженцев просто исключается из рассмотрения.

Теория суверенной власти как развитие идей Х. Арендт

Отталкиваясь от различения приватной и публичной сфер, используемого Х. Арендт, Дж. Агамбен разрабатывает теорию суверенной власти, первая версия которой была представлена в работе «*Homo sacer*: суверенная власть и голая жизнь» (Агамбен, 2011а). В ней философ развивает идею перемещения жизни в центр политики как основной операции, осуществляемой суверенной властью. Анализируя функционирование последней, Агамбен указывает на то, что ее первоосновой, конститутивным элементом или даже некой предпосылкой оказывается жизнь, абсолютно не защищенная, обреченная на смерть. Такую жизнь мыслитель называет «голой жизнью». Она представляет собой жизнь, сведённую до животной, до факта биологического существования, то есть такого существования, которое не имеет символического значения. Для описания отношения между «голой жизнью» и суверенной властью итальянский философ использует понятие «включающего исключения»: первая в качестве исключенной инкорпорируется в последнюю. «Голая жизнь продолжает существовать в политике в форме исключения, то есть как нечто, включающееся в неё только посредством устранения» (Агамбен, 2011а: 18). Суверенная власть, политизируя жизнь, превращает её в объект, нуждающийся в законодательной защите. В этом случае получается, что «голая жизнь» не предшествует суверенной власти, а становится её продуктом.

Указывая на то, что «включающее исключение» является исходным структурным политическим отношением, мыслитель обращается к фигуре *homo sacer*. В древнеримском праве, по словам Агамбена, *homo sacer* — «это тот, кто исключен из мира людей, и, хотя он не может быть принесен в жертву, тем не менее его может убить всякий вполне законно, и это не будет считаться убийством» (Агамбен, 2008: 79). Таким образом, *homo sacer* исключался и из человеческой правовой сферы, и из религиозной сферы, то есть подвергался двойному исключению, при этом его жизнь как «голая жизнь» включалась в существующий порядок как то, что можно было безнаказанно отобрать. Также он не мог быть принесен в жертву, потому что, не являясь членом сообщества, не имел никакой ценности. Лишение жизни *homo sacer* не может быть определено ни как убийство (поскольку убийство, в строгом смысле этого слова, подразумевает наказание), ни как жертвоприношение. Он находится за пределами любых установленных форм правосудия. Именно производство *homo sacer* есть суть суверенной власти. Чтобы поддерживалось существование суверенной власти, это производство должно быть перманентным,

постоянным. *Homines sacri* представляют собой постоянно воспроизводимый мир исключенных, отверженных. Одним из воплощений *homo sacer* для Агамбена является беженец как идеальный образец бесправного человека в существующей системе национальных государств.

Итак, суть процедуры «включающего исключения» состоит в вынесении индивидов за рамки правового порядка. Чтобы свести всех людей, находящихся за пределами последнего, к *homo sacer*, Агамбен вынужден принять две предпосылки. В первых, тот, кто находится вне правового порядка, является индивидом, лишенным всякой коллективной идентичности. Во-вторых, *homo sacer* полностью беззащитен и подвержен насилию со стороны всех тех, кто находится в рамках права. Только при принятии этих двух предпосылок суверенная власть будет абсолютна. Возникает вопрос, насколько они оправданны. Находиться вне рамок конкретного правового порядка не означает быть за пределами любого потенциального порядка. Отверженные и исключенные могут стать носителями альтернативного определения реальности и способствовать трансформации существующего национального порядка.

Рассмотрев основные структурные элементы отношения «включающего исключения», Агамбен исследует условия, которые необходимы для их функционирования. Совокупность этих условий обозначается понятием «чрезвычайное положение». Чрезвычайное положение — это положение, при котором ни одному из граждан не гарантировано право на жизнь. Абсолютная власть суверена после объявления чрезвычайного положения предстает в своем чистом виде: власть принимать решение о жизни и смерти гражданина. Таким образом, чрезвычайное положение, приостанавливая конституционное правление, стирает грань между правом и полным произволом.

Чрезвычайное положение дает начало политико-правовой парадигме, в которой норма не отличается от исключения. В современном мире, указывает Джордж Агамбен, чрезвычайное положение, которое обычно воспринимается как временная мера, начинает охватывать всё большие промежутки времени, становясь нормой, правилом. Одна из причин подобной тенденции, по мнению итальянского мыслителя, связана с борьбой с терроризмом, которой и оправдывается введение чрезвычайного положения. Такую парадигму, когда чрезвычайное положение становится правилом, Агамбен называет «лагерем». Он пишет: «Лагерь появляется в тот момент, когда политическая система современного национального государства, базировавшаяся на функциональной связи между определённым локусом (территория) и юридическим порядком (Государство), регулируемой автоматическими правилами фиксации жизни (рождения или принадлежности к народу), входит в полосу длительного кризиса, и Государство решает напрямую включить в перечень своих задач заботу о биологической жизни нации» (Агамбен, 2016: 222). Данные преобразования приводят к смене приоритетной модели управления: от установления порядка к контролю за беспорядком.

Господство парадигмы «лагеря» рассматривается Агамбеном как неизбежное следствие трансформации общества в эпоху модерна. Данные общества характеризуются появлением индивидов, права которых зафиксированы в декларациях. Эти декларации выступали местом вписывания биологической жизни в политико-правовой порядок современного государства. Коренной перелом, произошедший в эпоху Нового времени, заключался во включении «голой жизни» в саму структуру государства, превращении биологической жизни в посюстороннее основание его легитимности. Таким образом, права человека рассматриваются итальянским философом как опора и поддержка государственной власти.

Согласно Агамбену, не существует оппозиции между абсолютной государственной властью и правами человека. Права человека превращают естественную жизнь в источник и носитель прав. Они превращают рождение в принцип суверенитета. Связка «рождение — суверенитет — гражданство» оставалась самоочевидной вплоть до XX века, который характеризуется все более увеличивающимся количеством беженцев, которые демонстрируют самим своим существованием разрыв между рождением и нацией, выводят на свет скрытое основание политической власти: «голую жизнь». Будучи просто людьми, лишенными маски граждан, они представляют собой сложную задачу для тех, кто хочет определить их в политических терминах.

Согласно Агамбену, все попытки решения проблемы разрыва связки «нация-рождение», о которой свидетельствуют беженцы, оказались неудачными. Решение кризиса системы национальных государств и снятие проблемы интеграции беженцев с политической повестки дня связывается им с выходом за рамки категорий Нового времени, прежде всего категорий «гражданин» и «индивид». Агамбен утверждает необходимость перехода к новому видению политики и связанному с ней международному порядку. Этому видению будет посвящен следующий раздел.

Снятие проблемы политической интеграции беженцев в новом международном порядке

Согласно точке зрения Агамбена, снятие проблемы политической интеграции беженцев предполагает признание кризиса национальных государств и неэффективности прав человека как инструмента защиты безгосударственных лиц. Необходимо сместить фокус с уровня сущего к уровню должного: представить политическое сообщество за рамками национального суверенитета.

В таком типе сообщества политико-правовые структуры перестанут выполнять свою основную функцию — порождение «голой жизни» — и превратятся в объект игры будущего человечества. Этот переход станет возможным с изменением установок по отношению к праву. На место принуждения должно встать исследование, на место почитания — игра. В таком сообществе одно чрезвычайное положение, которое является кульминацией биополитического процесса, будет

смещено другим, в котором не только буквальность закона, но и его доминирующая власть приостановлена (Агамбен, 2011: 100).

В области международных отношений также произойдут значительные изменения. Фиксированные границы будут заменены на открытые, а принцип национального деления утратит свой смысл. Пространства континентов станут рассматриваться как атерриториальные и экстерриториальные, в которых все резиденты государств утратят свое фиксированное место на определенной территории, превратившись в своего рода кочевников (Агамбен, 2015: 33–34). Таким образом, проблема политической интеграции беженцев решится в том политическом сообществе, где все в равной степени приобретут статус беженца.

Сильной стороной подхода Агамбена к решению проблемы политической интеграции беженцев является его комплексность. Он одновременно предлагает когнитивную картографию современности и перспективное видение политического сообщества. Несмотря на свою сильную сторону, данный подход не лишен недостатков. Итальянский философ не видит возможности продуктивного использования прав человека в решении проблемы политической интеграции беженцев. Он рассматривает права исключительно как инструмент укрепления суверенной власти. При том последнее, по его мнению, носит неизбежный характер. Помимо этого, Агамбен исключает из своего рассмотрения вопрос об условиях возможности перехода от системы национального деления к новому международному порядку.

Недостатки подхода Агамбена мотивируют к разработке иного виденья политики, в той же степени учитывающего проблему политической интеграции беженцев. Необходимо отметить, что неудовлетворительное решение вышеупомянутой проблемы не умаляет значимость теории суверенной власти. Определенные моменты последней будут использованы авторами статьи и при разработке радикально-демократической модели политики.

Альтернативная трактовка прав человека Ж. Рансьера и его виденье политики

Опровержению тезиса о необходимости отказа от концепта прав человека для эмансипационной политики будет посвящена следующая часть статьи. Мы продемонстрируем альтернативное виденье политики, подразумевающее сохранение прав человека.

Один из вариантов реконцептуализации прав человека предлагает Ж. Рансьер в своей статье «Кто является субъектом прав человека?» (Rancière, 2004). Этому варианту мы отдаем предпочтение по причине того, что он обеспечивает связь между теорией и практикой прав человека. Французский философ фокусирует свое внимание на вопросе субъекта прав, который для него всегда является политическим субъектом. Согласно Рансьеру, права человека — это права неучтен-

ных, т. е. тех, кто является «слепым пятном» политического сообщества, тех, кто не представляет собой социальную группу с четко определенной идентичностью.

Суть тезиса состоит в следующем. Прежде всего необходимо указать, что формулировка Рансьера препятствует любой попытке идентификации референта «прав человека». Изначально отрицается возможность существования фиксированного субъекта, который был бы одновременно источником и носителем прав. На место единого субъекта он ставит процесс субъективации, посредством которого устанавливается связь между двумя формами существования прав человека (Ibid.: 302).

Первая форма — это зафиксированные в документах права. Они являются предписаниями для жизни сообщества. Вторая форма — это права неучтенных, которые делают определенные выводы из предписания и решают проверить силу предписания. Дело не только в проверке того, насколько «реальность» подтверждает или отрицает права, но и в смысле такого подтверждения или отрицания. Рансьер развивает свою мысль, утверждая, что человек и гражданин — это не свойства или характеристики конкретных индивидов, он отрицает существование таких коллективных образований, как «граждане» и «люди». Для Рансьера абстрактные понятия «человек» и «гражданин» являются политическими именами, значение которых не может быть определено раз и навсегда и будет пересматриваться каждый раз после публичной акции, на которой проверяется равенство (Ibid.: 303). Далее он указывает на то, что гражданин и человек — это избыточные имена, которые начинают продуктивно работать только в контексте тяжбы (litige) по поводу включенных и исключенных.

Тяжбу, о которой пишет Рансьер, необходимо отличать от конфликта интересов, мнений или ценностей. Это спор по поводу сферы «здорового смысла»: спор о данном, о рамках, в которых мы различаем это данное. Суть тяжбы в организации встречи двух миров в определенном месте: мира, в котором права являются действительными, и мира, в котором они остаются просто декларациями (Ibid.: 304).

Общее название субъекта, который формируется по ходу тяжбы, — демос. Обращаясь к этимологии слова «демос», Рансьер исключает рассмотрение последнего в качестве обозначения совокупности членов сообщества или трудящегося класса населения. Это понятие фиксирует дополнительную часть, которая инициирует переход от подсчета групп населения политического сообщества к подсчету неучтенных, смещение фокуса от «полиции» к «политике».

Права человека — это права демоса, которые указывают в конкретных публичных акциях на второй способ подсчета. Как только права приписываются одному и тому же субъекту, весь политический процесс исчезает. Философ полагает, что допущение фиксированного референта «прав человека» преграждает путь продуктивного использования этого понятия. Сила прав человека заключается в челночном движении между первой записью права и публичными акциями, на которых она подвергается испытанию (Ibid.: 305). По этой причине граждане го-

сударств, управляемые нелегитимным правительством, нелегальные иммигранты в транзитных зонах различных стран или люди, находящиеся в лагерях беженцев, могут ссылаться на них. Права человека становятся их правами, когда они участвуют в публичной акции, на которой осуществляется разбор несправедливости, связанный с отрицанием равенства, зафиксированного в документах.

Для понимания контекста, в котором осуществляется демонстрация исключенных, надо вернуться к уже упомянутому способу их подсчета: «полиции». С помощью этой категории Рансьер пытается зафиксировать типичную операцию власти. Для французского философа последняя прежде всего проявляется в поддержании четко иерархизированного порядка здравого смысла, в котором каждая вещь имеет свое место и выполняет свою функцию. Для поддержания порядка власти требуется создание символического универсума, который обосновывал бы представления здравого смысла. Полиция — это механизм сортировки научных и ненаучных объяснительных схем, которые становятся строительными блоками будущего символического универсума. Именно полиция ответственна за натурализацию асимметричных отношений не только между вещами, но и между людьми.

Проблема такого определения способа функционирования власти заключается в чрезмерном сужении спектра её возможных действий. В подходе Рансьера не принимается во внимание пересечение власти и прямого насилия. Рассмотрим пример политической манифестации. Рансьер описывает единственную стратегию сохранения иерархических отношений: апелляцию к различиям здравого смысла, политический процесс оспаривания этих отношений представляется как аргументативный процесс. Исключается из рассмотрения ситуация, в которой одна из сторон насильственно прерывает демонстрацию, но при разработке модели политики необходимо принимать во внимание эту возможность.

Трактовка политики как демонстрации равенства неучтенными также не лишена проблем. Рансьер не ставит вопрос о длительности политического действия, об организации, поддерживающей эту длительность. Политический субъект прав человека, выполнив функцию «обновления деятелей и форм их действия» (Рансьер, 2006), обречен раствориться и инкорпорироваться, не изменяя фундаментально общественное целое. Такая позиция обусловлена изначальным противопоставлением равенства и сообщества. Сообщество представляет собой для Рансьера иерархический порядок, который может быть прерван процессом политической субъективации, но не может быть преодолен.

Таким образом, благодаря теории Рансьера становится очевидным эмансипационный потенциал прав человека. Демонстрируется неадекватность полного отказа от концепта прав, мотивированного тем, что они являются инструментом укрепления государственной власти. Права человека не являются гражданскими правами, а следовательно, не могут служить основанием для легитимации любой формы правления. Но теория прав человека Рансьера имеет свои недостатки, связанные с ограниченной трактовкой власти и негативным определением политики,

т. е. последняя рассматривается как исключение из полицейского порядка. Для использования данной концепции в качестве элемента модели радикальнодемократической политики требуется частичный пересмотр категорий.

Радикально-демократическая модель эмансипационной политики

Предлагаемую нами модель политики мы обозначаем как радикально-демократическую, опирающуюся на кантовскую идею регулятивного идеала. Демократия должна оставаться проектом, за воплощение которого политические активисты борются, осознавая невозможность его полной реализации (Жижек, 2004: 128). Она является бесконечным процессом эмансипации, движимым политическими принципами свободы и равенства для всех.

Предлагаемая нами модель будет представлять собой результат объединения теорий Агамбена и Рансьера. Этим теориям отдается предпочтение из-за акцента на проблеме угнетения, связанного с нормальным функционированием национального государства. Радикально-демократическая модель политики потребует согласования позиций вышеупомянутых теоретиков по поводу трактовки категорий власти и политики.

Вернемся к сильным и слабым сторонам концепций власти Агамбена и Рансьера. Сильной стороной теории первого является понимание принципа функционирования суверенной власти: расширение пространства, на котором устанавливается чрезвычайное положение. В этом пространстве грань между исполнением закона и применением насилия стирается. Любое действие власти, в том числе насильственное, оправданно только потому, что исходит от власти. Негативной стороной его теории является ее телеологический характер. Диагностируя современную тенденцию развития власти, он приписывает ей характер онтологической судьбы. Господство парадигмы чрезвычайного положения рассматривается Агамбеном как следствие изначально биополитического характера власти. Этот ход мысли становится возможным благодаря сведению всего многообразия политических отношений к отношению исключения. В результате итальянский философ становится невосприимчив к историческому контексту и неспособен увидеть в мире национальных государств какую-либо политику, помимо той, что осуществляется государственной властью.

Сильной и одновременно слабой стороной является символическая трактовка власти Рансьера. Власть, по его мнению, заботится прежде всего о поддержании иерархического порядка. Цель ее — не допустить появления группы неучтенных, не выполняющих приписываемых им сообществом функций. Упреждающим механизмом, помогающим выполнить эту цель, выступает полиция, призванная закрепить связь индивида с местом в общественном целом. Но такая трактовка полностью исключает пересечение власти и прямого насилия.

Объединив сильные стороны этих двух подходов к власти, мы предлагаем более широкую трактовку последней: власть представляет собой совокупность

практических действий государства по управлению населением, варьирующихся от установления сферы здравого смысла до прямого физического уничтожения индивидов. В данном подходе к власти объединяются идеи чрезвычайного положения и полиции как средств укрепления и расширения полномочий государства.

Следующей категорией, требующей пересмотра, является «политика». Агамбен трактует последнюю двояко: деятельность власти, опирающейся на суверенное исключение; особый способ жизни в постнациональном мире. Если биополитика — политика в первом смысле — существовала с возникновения первого человеческого объединения, то форма-жизни — политика во втором смысле — должна еще только появиться. Условием станет отказ от категорий Нового времени и смена установок по отношению к праву. Сильная сторона такой трактовки — предположение иного типа политики за пределами государственного суверенитета. Слабая сторона — игнорирование вопроса перехода к политической жизни постнационального мира.

Трактовка категории «политика» Рансьера имеет сильные стороны: строго эгалитарный характер и отрицание идеи предзаданного политического субъекта. Однако у нее есть и недостатки. Рансьер не учитывает аспект политической организации. Он предлагает модель политики, в которой неучтенные обречены на инкорпорацию без трансформации общественного целого. Рансьер выводит за рамки категории политики длительную практикопреобразовательную деятельность организованного демократического движения. Это связано с негативной оценкой любого рода солидарности, которая всегда предполагает общественные связи — иерархию.

Ввиду того, что Агамбен, так же как и Рансьер, рассматривает политику как совокупность действий индивидов, не связанных общей идентичностью, авторам необходимо обратиться к теоретикам, которые не отказываются от категории солидарности, например, к теории собраний Дж. Батлер (Батлер, 2018). Развивая идею народного суверенитета, она рассматривает фундамент, на котором строится солидарность современных демократических движений. По ее мнению, в публичных акциях представителей этих движений на передний план выходит тема социальной незащищенности: цель их — показать в публичном пространстве уязвимые тела, порождаемые нормальным функционированием социального порядка. Эта демонстрация должна служить напоминанием о взаимозависимости как людей, присутствующих здесь и сейчас, так и анонимных других. Данная зависимость от других осознается политическими активистами и является основанием для их солидарности.

Синтезировав подходы к политике Агамбена, Рансьера и Батлер, мы приходим к следующему определению: политика — это совокупность солидарных пролонгированных символических действий индивидов, направленных на подрыв иерархического порядка и демонстрацию хрупких тел. В этом определении совмещены идеи негосударственной политики, демонстрации равенства и солидарности, основанной на хрупкости тел.

Совместив подходы к власти и политике Агамбена и Рансьера с идеей солидарности Батлер, мы предлагаем модель радикальнодемократической политики, которая предположительно будет способствовать интеграции беженцев. К основным аспектам этой модели относятся следующие: контекст осуществления, нормативный горизонт, характер политического действия, символическая эффективность.

В предложенной модели политика рассматривается как включенная в репрессивный контекст. Её контрапунктом всегда является определенным образом организованная власть. Для сохранения статус-кво последняя может принять форму как полиции, так и чрезвычайного положения. Насилие, являющееся одним из конституирующих элементов власти, может быть использовано для рассеивания демократического движения. Отсюда возникает потребность в обращении к вопросу средств поддержания последнего, направленного на подрыв иерархического порядка, исключаящего безгосударственных лиц. Таким средством может стать солидарность, построенная на осознании хрупкости тел активистов, которые могут быть покалечены или убиты теми, кто призван обеспечивать правопорядок.

Следующим аспектом модели политики является нормативный горизонт действий участников процесса. За их действиями стоит представление о безусловном равенстве здесь и сейчас как предпосылке борьбы за права неучтенными. Этот момент, артикулированный в концепции прав Рансьера, позволяет нам предложить альтернативный способ решения политической интеграции беженцев, связанный с процессом политической субъективации, в котором активную роль на себя берут сами беженцы и другие неучтенные. Путь к политической интеграции первых пролегает через участие в публичных акциях демократических движений, борющихся за расширение гражданских прав на группы, которые были либо частично, либо полностью их лишены.

Эти акции призваны инициировать спор по поводу сферы разделяемого здравого смысла. Они принимают форму демонстрации. Отсюда вытекает третий аспект модели политики: специфика действия неучтенных заключается в замене силовых отношений отношениями разума. В акциях исключенных на место одного типа практики эмансипации (практика насильственного сопротивления) приходит другой (практика доказательства) (Рансьер, 2006: 77). Занимая публичное пространство и проблематизируя оправданность иерархии, неучтенные превращают проблему интеграции в безотлагательную проблему, требующую ряда государственных мер по направлению наделяния всей полнотой прав групп, ранее ею не обладающих.

Особую роль в ранее упомянутой замене играет символический акт идентификации неучтенных с политическим сообществом. Отождествляя себя с сообществом в целом, беженцы и другие неучтенные смогут продемонстрировать, что вопрос о статусе гражданина до сих пор открыт. Они поспособствуют восприятию последнего не как изначального статуса, полученного с рождения, а как ставки в политической борьбе. Участие беженцев в акции исключенных внесет свой

вклад в утрату политическим сообществом своих квазиестественных характеристик и отдалит его от образа иерархически организованной этнической общности.

Это, в свою очередь, откроет путь к формированию политической культуры конфликта. На смену конфронтационной логике группового партикуляризма, поддерживаемой представлением о естественной идентичности и связанных с ней интересов, придет политическая логика спора по поводу того, кто такие «мы», составляющие сообщество, и кого мы исключили, чтобы это «мы» как целое могло появиться. Эта смена логик делает настоящей задачей прочерчивания новых политических границ, поскольку факт исключения невозможно уже игнорировать. Она способствует процессу политической интеграции неучтенных, в том числе и беженцев.

Данное исследование не претендует на то, чтобы дать единственно верное решение проблемы политической интеграции беженцев. Оно посвящено одному из возможных средств: радикальнодемократической модели политики, базирующейся на сильных сторонах подходов Агамбена, Рансьера и Батлер. У первого автора мы заимствуем идею суверенного исключения и связанную с ней идею чрезвычайного положения; у второго — идею политики, ориентированной на демонстрацию идеи равенства; у третьего — идею солидарности, основанной на хрупкости тел.

Первым аспектом модели является включенность политики в репрессивный контекст. Политика всегда противопоставлена власти, которая может воплощаться как в действиях ненасильственного, так и насильственного характера. Именно из-за того, что вторая ориентируется на рассеивание демократического движения, требуется средство его сохранения. По нашему мнению, таким средством является солидарность, построенная на осознании уязвимости тел политических активистов.

Вторым аспектом модели является нормативный горизонт политики. Исходным пунктом последней выступает предпосылка о безусловном равенстве здесь и сейчас. Участники политического процесса создают пространство публичной дискуссии по поводу несоответствия формально провозглашаемого равенства и реально существующего иерархического порядка.

Третий аспект модели — ориентированность действий неучтенных на замену силовых отношений отношениями разума. Насильственное сопротивление должно быть замещено практикой доказательства. Последняя призвана показать анархическое основание любого иерархического порядка (любой порядок строится на равенстве умов), т. е. отсутствие рационального основания, стоящего за ним

Четвертый аспект модели связан с символическим актом отождествления неучтенных с политическим сообществом. Это отождествление направлено на изменение способа восприятия политического сообщества: от замкнутого этнического сообщества как естественно складывающегося образования к сообществу конфликта, открытого политическому вмешательству.

Литература

- Агамбен Дж.* (2008). Грядущее сообщество / Пер. с ит. Д. В. Новикова. М.: Три квадрата.
- Агамбен Дж.* (2011а). Номо sacer: суверенная власть и голая жизнь / Пер. с ит. И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова, М. Велижева, С. Козлова под ред. Д. В. Новикова. М.: Европа.
- Агамбен Дж.* (2011б). Номо sacer: чрезвычайное положение / Пер. с ит. М. Велижева, И. Левиной, О. Дубицкой, П. Соколова под ред. Л. Воропай. М.: Европа.
- Агамбен Дж.* (2015). Средства без цели: заметки о политике / Пер. с ит. Э. Саттарова. М.: Гилея.
- Арендт Х.* (1996). Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкенене, Л. А. Седова под ред. М. С. Ковалевой, Д. М. Носова. М.: ЦентрКом.
- Батлер Дж.* (2018). Заметки к перформативной теории собрания / Пер. с франц. Д. Краlechкина под ред. А. Кондакова. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Берк Э.* (1993). Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Сокр. пер. с англ. Е. И. Гельфанд. М.: Рудомино.
- Гегель Г. В. Ф.* (2007). Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столпнер. М.: Мир книги.
- Гоббс Т.* (2001). Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль.
- Жижек С.* (2004). Ирак: история про чайник / Пер. с англ. А. В. Смирнова. М.: Праксис.
- Локк Дж.* (1988). Опыты о законе природы / Пер. лат. Н. А. Федотова // *Локк Дж.* Сочинения. Т. 3. М.: Мысль. С. 3–53.
- Маркс К.* (1955). К еврейскому вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 1. М.: Политиздат. С. 382–413.
- Рансьер Ж.* (2006). На краю политического / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис.
- Badiou A.* (2016). Our Wound is not So Recent: Thinking the Paris Killings of 13 November. Cambridge: Polity Press.
- Banerjee K.* (2010). Re-theorizing Human Rights through the Refugee: On the Interrelation Between Democracy and Global Justice // *Refuge: Canada's Periodical on Refugees*. Vol. 27. № 1. P. 24-35.
- Douzinas C.* (2000). The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford: Hart.
- McNeilly K.* (2016). After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights // *Law and Critique*. Vol. 27. № 3. P. 269-288
- Rancière J.* (2004). Who is the Subject of the Rights of Man? // *The South Atlantic Quarterly*. Vol. 103. № 2/3. P. 297–310.
- Žižek S.* (2016). Against the Double Blackmail: Refugees, Terror and Other Troubles with the Neighbors. London: Allen Lane.

Radical Democratic Model of Politics as a Response to the Problem of Refugees Political Integration

Konstantin Fomin

Assistant, Department of Philosophy and Sociology, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University
Address: 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russian Federation 163002
E-mail: kostyafominphil@gmail.com

Nadezhda Savelyeva

Post-graduate Student, Department of Philosophy and Sociology, M.V. Lomonosov Northern Arctic Federal University
Address: 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, Russian Federation 163002
E-mail: n.saveleva@narfu.ru

This article is devoted to the analysis of the origins of the unsatisfactory situation concerning refugees, and searching for a new model of emancipatory politics that will be useful to overcome this situation. The main thesis of the article is that the positions articulated by G. Agamben, J. Ranciere, and J. Butler can be combined in a radical democratic model of politics that is based on a revised concept of human rights. First, the authors turn to the basic categories used in the analysis of political theories: national state, sovereignty, refugees, stateless people, and human rights. Then, the authors examine the context of the emerging liberal conception of human rights and the critics of this conception. After presenting the main arguments against the liberal conception of human rights, the authors turn to the theory of sovereign power. One of the main conclusions of this theory is that emancipatory political theorists should refuse the concept of human rights. Agamben's argumentation of such a refusal is based on the statement about the inevitable connection between human rights and state power. The authors point out both the positive and negative aspects of Agamben's approach as well as showing its advantages and limitations. Next, the authors demonstrate an alternative approach to human rights as proposed by J. Ranciere. At the end of the article, the authors present a constructive model of emancipatory politics which incorporates the ideas of G. Agamben, J. Ranciere, and J. Butler. For the authors of this paper, this model is free of the main drawbacks of the approaches under consideration. The advantages of the model are an expansive view of power, and the reintroduction of the notion of solidarity into emancipatory theory.

Keywords: national state, sovereignty, refugee, stateless persons, human rights, radical democratic model of politics

References

- Agamben G. (2008) *Grjadushhee soobshchestvo* [The Coming Community], Moscow: Tri kvadrata.
Agamben G. (2011) *Homo sacer: suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life], Moscow: Evropa.
Agamben G. (2011) *Homo sacer: chrezvychajnoe polozhenie* [Homo Sacer: State of Exception], Moscow: Evropa.
Agamben G. (2015) *Sredstva bez celi: zametki o politike* [Means without End: Notes of Politics], Moscow: Gileya.
Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow: CentrKom.
Badiou A. (2016) *Our Wound is not So Recent: Thinking the Paris Killings of November*, Cambridge: Polity Press.
Banerjee K. (2010) Re-theorizing Human Rights through the Refugee: On the Interrelation Between Democracy and Global Justice. *Refuge: Canada's Periodical on Refugees*, vol. 27, no 1, pp. 24–35.

- Burke E. (1993) *Razmyshlenija o revoljucii vo Francii i zasedanijah nekotoryh obshhestv v Londone, odnosjashhihsja k jetomu sobytiju* [Reflections on the Revolution in France, And on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to that Event], Moscow: Rudomino.
- Butler J (2018) *Zametki k performativnoj teorii sobranija* [Notes toward a Performative Theory of Assembly], Moscow: Ad Marginem Press.
- Douzinas C. (2000) *The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century*, Oxford: Hart Publishing.
- Hegel G. W. F. (2007) *Filosofija prava* [Philosophy of Right], Moscow: Mir knigi.
- Hobbes Th. (2001) *Leviafan* [Leviathan], Moscow: Mysl.
- Locke J. (1988) Opyty o zakone prirody [Essays in the Law of Nature]. *Sochinenija. T. 3* [Works, Vol. 3], Moscow: Mysl, pp. 3–53.
- Marx K. (1955) K evrejskomu voprosu [On the Jewish Question]. *Sochinenija. T. 1* [Works, Vol. 1], Moscow: Politizdat, pp. 382–413.
- McNeilly K. (2016) After the Critique of Rights: For a Radical Democratic Theory and Practice of Human Rights. *Law and Critique*, vol. 27, no 3. pp. 269–288.
- Rancière J. (2004) Who is the Subject of the Rights of Man? *The South Atlantic Quarterly*, vol. 103, no 2/3, pp. 297–310.
- Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [On the Shores of Politics], Moscow: Praksis.
- Žižek S. (2004) *Irak: istorija pro čajnik* [Iraq: The Borrowed Kettle], Moscow: Praksis.
- Žižek S. (2016) *Against the Double Blackmail: Refugees, Terror and Other Troubles with the Neighbors*, London: Allen Lane.